

Михаил Ивайлов Симов

кандидат исторических наук, сотрудник Национального исторического музея Болгарии, София, Болгария. E-mail: simov.bg@abv.bg

День освобождения Болгарии от османского ига: практики коммеморации в политическом контексте (конец XIX — начало XX в.)

В 2018 г. в Болгарии прошло празднование 140-летия освобождения страны от османского ига. На фоне современной геополитической ситуации в Балканском регионе и в контексте болгарско-российских отношений 3 марта — день подписания Сан-Стефанского мира (1878) и национальный праздник Болгарии — традиционно дает повод для политических комментариев и противоречивых высказываний представителей государственной власти. Отношения княжества Болгарии с Россией в конце XIX в. складывались не просто. Именно на этом фоне утверждалась традиция празднования Дня освобождения, а памятные мероприятия и интерпретации значения даты были тесно связаны с политическими настроениями и целями правительств в Софии. В статье рассматривается формирование традиции коммеморации Дня освобождения Болгарии на фоне изменений в болгарско-российских отношениях конца XIX — начала XX в.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., День освобождения Болгарии от османского ига, болгарско-российские отношения конца XIX — начала XX в.

19 февраля (или 3 марта по новому стилю) 1878 г. в местечке Сан-Стефано был подписан договор, завершивший русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и ознаменовавший начало современного Болгарского государства. В 2018 г. исполнилось 140 лет со времени этих событий, и по традиции Болгария торжественно отметила эту важную годовщину. 3 марта — День освобождения Болгарии — сегодня однозначно является главнейшим и самым почитаемым праздником в национальном календаре, поводом для торжеств в столице и по всей стране. Несмотря на то что можно услышать голоса, утверждающие, что Сан-Стефанский договор — это не больше чем ловкий ход российской дипломатии, и, соответственно, этот

день не заслуживает статуса важнейшего национального праздника, среди подавляющего большинства болгар 3 марта воспринимается как синоним свободы и как основополагающая дата в новейшей истории страны.

День освобождения, кроме повода для празднеств, национальной гордости и проявления патриотических чувств, традиционно превращается и в «арену» для политически окрашенных дискуссий и полемики. Конъюнктура и споры в плоскости «русофилы — русофобы» неизбежно приводят к разным толкованиям значения этой ключевой даты. Иногда может сложиться впечатление, что болгары испытывают определенное неудобство от того факта, что их свобода стала результатом очередной русско-турецкой войны. Все это находит отражение в праздновании Дня освобождения, официальной риторике представителей государства, реакции медийного и общественного пространства. Например, в последние годы общественный резонанс, большое неодобрение вызывали выступления президента Росена Плевнелиева в честь этого праздника, где роль России в болгарском освобождении либо вообще не упоминалась, либо признательность высказывалась по отношению ко всем русским, украинцам, финнам, румынам, черногорцам, грузинам, эстонцам и т. д., отдавшим свою жизнь за свободу болгарского народа. События, связанные с визитом патриарха Кирилла в Болгарию в 2018 г., в очередной раз продемонстрировали наложившийся на эту дату негативный политический контекст и остроту реакции обоих государств на официальные заявления представителей власти.

Политизация главного торжества страны — явление не только сегодняшнего дня. Еще в первые годы после начала формирования Болгарского государства из-за политической обстановки в княжестве и особенных отношений с Россией наблюдалась ситуация, схожая с сегодняшней. День освобождения Болгарии от османского ига стал официальным национальным праздником лишь в 1990 г., но традиция празднования этой даты берет свое начало в первое десятилетие после освобождения, когда политическая ситуация в Болгарии и русско-болгарские отношения складывались не самым лучшим образом, и это не могло не отразиться на официальных мероприятиях, связанных с годовщиной подписания Сан-Стефанского мира. В данной статье рассматривается процесс становления традиции коммеморации

освобождения в конце XIX — начале XX в. в контексте политической ситуации и русско-болгарских отношений данного периода. Хронологические рамки охватывают первые 30 лет после подписания Сан-Стефанского договора, включая время первоначального становления Болгарского государства, разрыв отношений с Россией, последовавшее затем их восстановление и сближение между Петербургом и Софией. На фоне всех политических и общественных событий этого периода формировалась прочная традиция чествования важнейшей даты в новейшей истории страны, традиция, которая продолжается уже 140 лет, а ее проявления всегда были тесно связаны с политическими факторами.

В качестве основных источников использовались публикации в прессе, а также воспоминания современников и некоторые опубликованные документы. Необходимо также уточнить, что в рассматриваемый период праздник отмечался по старому стилю — 19 февраля.

Впервые годовщина подписания Сан-Стефанского мира была отмечена еще до формирования государственной структуры Болгарского княжества. 19 февраля 1879 г. митрополит Антим I, тогда председатель Учредительного собрания, отслужил в старой столице Тырново панихиду по погибшим в войне 1877–1878 гг. в присутствии депутатов собрания и граждан¹. В следующем году этот день уже приобрел облик настоящего всенародного праздника: центром чествований стала новая столица княжества София, а также столица автономной провинции Восточная Румелия Пловдив. В 1880 г. 19 февраля отмечался как Великий день 25-ой годовщины правления царя-освободителя. Публикации в прессе свидетельствуют о «большой торжественности и сердечном умилении»², с которыми этот день встретили во всех краях княжества и Восточной Румелии с молебнами за царя-освободителя и парадами. Особенно торжественно чествования прошли в столице, где в присутствии представителей государственной власти и русских дипломатических агентов был отслужен молебен перед княжеским дворцом. Затем последовали военный парад, пушечный салют и «всенародное веселие»³. В целом публикации

¹ Величкова 2012: 55.

² Целокупна България. София, 1880. 24 II. № 64 (специальное дополнение). С. 1.

³ Там же.

в прессе к празднику выдержаны в духе восхваления великих дел царя Александра II, среди которых и заключение Сан-Стефанского мира. Столичная газета «*Витоша*» («Витоша»), среди прочего, впервые называет этот день и Днем освобождения Болгарии⁴.

Сам князь Александр I, в это время находясь в Петербурге по случаю годовщины восшествия Александра II на престол⁵, приветствовал императора и принес глубочайшую благодарность от всего болгарского народа. В российской столице князь Болгарии назвал 19 февраля «единым, народным и религиозным праздником для каждой болгарской семьи»⁶.

Если в 1880 г. торжества по случаю 19 февраля прошли в рамках празднования годовщины восшествия императора Александра II на престол, то в 1881 г. тема освобождения болгарского народа от османского ига заняла одно из центральных мест в торжественных мероприятиях и выступлениях. В этом году в день восшествия Его Величества царя-освободителя официальный печатный орган правящей Либеральной партии «*Независимост*» («Независимость») издал специальный праздничный номер, в котором отмечалось: 19 февраля напоминает о трех важных для всего славянского мира событиях, а именно: восшествии Александра II на престол, отмене крепостного права в России и подписании договора, провозгласившего «неосуществленную, к сожалению, так называемую Сан-Стефанскую Болгарию». «Пусть день 19 февраля будет днем нашей свободы», — призывал автор в конце статьи⁷. В следующем номере этой газеты содержался материал о торжествах в столице и других городах княжества и Восточной Румелии. В Софии был отслужен молебен в главном соборном храме Святого Короля (современный Собор Св. Недели), а затем в тот же день общество «Славянская беседа» организовало шествие до здания русского дипломатического представительства, где от имени всего болгарского народа были переданы поздравления царю-освободителю в связи с днем его восшествия на престол⁸. В тот же день князь Александр I обратился к народу с призывом принять участие в сборе средств для постройки в центре Софии храма,

⁴ Витоша. София, 1880. 20 II. С. 1.

⁵ Татищев 1890: 367.

⁶ Независимост. София, 1881. 19 II. С. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же. 21 II. С. 3.

«который будет памятником признательности болгарского народа царю-освободителю». 19 февраля 1882 г. во время празднества было торжественно заложено основание современного храма Св. Александра Невского в Софии⁹.

В следующие годы вплоть до воссоединения княжества Болгарии и Восточной Румелии 19 февраля оставался днем торжеств в «двух Болгариях». «Самый знаменательный день в нашей новейшей истории»¹⁰, как писала пресса, встречали молебнами, праздничными шествиями и парадами, на которых традиционно присутствовали представители центральной и местной власти и русские дипломаты. Благодарственные письма и телеграммы от имени болгарского народа к дипломатическим представителям России, императору и Н. П. Игнатьеву, составляли неизменную часть праздника.

После смерти Александра II на фоне конституционного кризиса в княжестве¹¹ и неосуществленного национального идеала праздник приобрел несколько иной оттенок. Прежняя торжественность и дух признательности России и трагически погибшему царю-освободителю сохранялись, но 19 февраля уже отмечалось главным образом как годовщина подписания Сан-Стефанского договора, и это давало повод напомнить: Сан-Стефанская Болгария все еще мираж, идеал, к осуществлению которого всему болгарскому народу нужно стремиться. В праздничных статьях в прессе большое внимание уделялось Македонии, где прежнее положение и «рабские муки» не претерпели никаких изменений после знаменательной даты. Княжеству как свободному государству нельзя было забывать о «младших братьях, которые пока не живут под отцовской крышей»¹². Вот как газета «*Търновска конституция*» («Тырновская конституция») комментировала праздник в 1884 г.: «Хотя событие, которое ознаменовало этот день, до настоящего момента выглядит яловым (бесплодным), этот день все еще имеет большое значение для будущего болгарского народа, потому что он указывает на высший идеал, к которому должна всегда стремиться каждая болгарская душа. Этот день не может и никогда не сотрется из памяти каждого, кто называет себя болгарин»¹³.

⁹ Михлюзов 1912:15–20.

¹⁰ Независимост. 1881. 21 II. С. 3.

¹¹ Димитров 1972: 56.; Блек 1996: 191–205.

¹² Търновска конституция. София, 1884. 18 II. С. 1.

¹³ Там же.

К середине 80-х годов XIX в. заметки по случаю 19 февраля приобрели патетический, все более политически злободневный характер и превратились в поле для межпартийных дразг. Партии все чаще использовали праздник как повод указать на преимущества своей политической программы, а также выразить сомнение или напрямую обвинить политического противника в отклонении от начертанного в Сан-Стефано пути и в неспособности воспользоваться великим даром русского царя во имя объединения и процветания болгарского народа¹⁴. В праздничном номере от 1884 г. сатирическая газета «Свирка» («Свирель») не упустила возможности обвинить тех, кто, придя к власти, «заменял русскую созидательность бездеятельностью и реакцией»¹⁵. В 1883 г. в своей статье к празднику болгарский писатель Иван Вазов призывал не допустить, чтобы политическая борьба разъединила народ в его чувстве признательности к России и стремлении к объединению. Вазов называл 19 февраля «праздником нашего освобождения, нашей признательности, наших надежд и стремлений»¹⁶.

В целом видно, что постепенно 19 февраля приобрело облик не только праздника в честь славного события в прошлом, но и дня, напоминавшего о несбывшихся мечтах и целях, длинном и нелегком пути, который болгарский народ должен пройти для достижения своего национального идеала. Этот праздник должен был объединить всех болгар на освобожденных территориях и за их пределами вокруг общих стремлений к Сан-Стефанскому идеалу. Именно на этом акцентировала внимание и пресса, называя 19 февраля «праздником для всех, кто говорит на болгарском языке»¹⁷. В ней по-прежнему присутствовал политический контекст, однако на данном этапе он обуславливался политической борьбой внутри страны, а не изменениями в отношениях с Россией.

В первые годы существования Болгарии как самостоятельного государства сформировались и традиции самих чествований дня подписания Сан-Стефанского договора. В столице программа состояла из молебна в храме Святого Короля и военного парада, на которых

¹⁴ Отечество. София, 1885. 19 II. С. 1.

¹⁵ Свирка. София, 1884. 19 II. С. 1.

¹⁶ Вазов И. Събрани съчинения. София: Български писател., 1979. Т. 19. Критика и публицистика 1877–1885. С. 296–298.

¹⁷ Витоша. 1880. 20 II. С. 1.

присутствовали князь, министры и русские дипломатические представители. Вечером в более неформальной обстановке проводились приемы в салоне читалишта¹⁸ «Славянская беседа». Подобным образом праздник отмечали и в других больших городах вплоть до насыщенных событиями 1885 г.

За воссоединением княжества Болгария с Восточной Румелией, провозглашенным в сентябре 1885 г., последовал ряд кризисных событий¹⁹. Сербско-болгарская война, государственный переворот и контрпереворот, отречение князя и разрыв дипломатических отношений с Россией привели молодое государство к тяжелому политическому кризису и коренному изменению внешнеполитической ориентации²⁰. Это не могло не повлиять и на чествование и дискуссии о значении главного праздника страны.

На фоне напряженной ситуации вокруг международного признания воссоединения, ухудшения отношений с Россией и ожидания заключения мирного договора с Сербией²¹ празднование годовщины Сан-Стефанского мира в 1886 г. прошло почти незаметно. Вместо пространных статей, прославляющих царя-освободителя и его величайшее деяние, столичные газеты лишь в паре строк уведомили об отслуженном в Софии молебне, даже не упоминая о непосредственном поводе к нему²². Без парадов и торжественности прошел некогда пышно отмечавшийся праздник. С отстранением от власти русофилов в болгарской политической жизни и приходом к власти Стефана Стамболова в 1887 г. был взят жесткий курс на полную независимость княжества от Петербурга²³. Это означало, что любые проявления признательности к России стали, мягко говоря, неудобными властям, а до этого времени 19 февраля был главным образом именно выражением благодарности болгарского народа своей стране-освободительнице. В то же время ввиду огромного значения, которое Сан-Стефано уже имело для болгарского народа, новая власть не могла просто так стереть из памяти собы-

¹⁸ *Читалиште* — тип культурно-просветительского общественного учреждения в Болгарии.

¹⁹ Стателова, Дончева, Пантев 1985: 83–123.

²⁰ Косик 1991: 172–173.

²¹ [Ваклинов, Трайков, Евтимов, Евгениев (ред.)] 1991: 194.

²² Търновска конституция. 1886. 19 II. С. 2.

²³ [Ваклинов, Трайков, Евтимов, Евгениев (ред.)] 1991: 266–268.

тия 1878 г. Она и не имела такого намерения. Вместо этого нужно было придать новый оттенок отношению к важнейшей дате болгарской истории. Как ни странно, именно тогда, когда праздник оказался «в немилости» у правительства, он приобрел облик, более близкий к сегодняшнему. Этот день уже не был поводом для демонстрации глубочайшей признательности болгар Александру II и России, но стал днем, когда страна вспоминала об основополагающем событии своей истории — освобождении от турецкого ига. Именно во второй половине 80-х годов XIX в. праздник стал отмечаться только как День освобождения Болгарии.

В номере от 21 февраля 1887 г. газеты «Свобода» («Свобода»), официального органа правящей партии, присутствовали уже знакомые формулировки, в которых 19 февраля называлось «самой светлой и славной датой в нашей политической жизни». Однако здесь речь шла не о 19 февраля 1878 г., а о 19 февраля 1887 г. — дне подавления бунта офицеров-русофилов в г. Русе²⁴. О «старом» празднике автор говорил как о чем-то ставшим далеким прошлым, дне, с которым болгары связывали свои надежды на Великую Болгарию, но события последних лет рассеяли иллюзии и показали, что те, кто создал Сан-Стефанскую Болгарию, «теперь хотят накинуть нам на шею ярмо более позорное, чем турецкое». В том году болгары «под давлением дурных чувств и с досадой вспомнили о некогда самом великом празднике», — утверждал автор, призывая болгарский народ отмечать и в будущем 19 февраля, но уже как праздник победы над народными предателями (имея в виду русофилов)²⁵. Несмотря на то что здесь о празднике говорится как «бывшем», в последующие годы отношение к нему власти несколько смягчилось. После преодоления самого тяжелого кризиса и появления нового князя возобновились и чествования 19 февраля. В 1888 г. десятилетие освобождения было отмечено в столице традиционным молебном в церкви Святого Короля и парадом столичного гарнизона, а к вечеру в центральных частях города все улицы были ярко освещены в честь праздника²⁶. Но в сообщениях и комментариях уже нет ни слова о России, царе-освободителе, признательности и бла-

²⁴ Маринов 1972: 163–166.

²⁵ Свобода. София, 1887. 21 II. С. 1–2.

²⁶ Там же. 1888. 21 II. С. 1.

годарности. Этот день должен был поднять патриотический дух народа и напомнить о величайшей дате в новейшей его истории, но не об освободительной миссии России. Таким же образом проходили чествования до середины 1890-х годов: в целом торжественно, но скромно, без особого воодушевления и без намека на восхваление России. Газеты в столице и в Пловдиве в лучшем случае совсем кратко сообщали об очередных торжествах²⁷. Гораздо более пышно и торжественно по всей стране отмечался уже другой праздник — день рождения князя Фердинанда, 14 февраля.

Первые шаги к примирению с Россией были сделаны с приходом к власти правительства Константина Стоилова в 1894 г.²⁸ Международное признание князя Фердинанда, а также решение ряда внутренних проблем было невозможно без благосклонности Петербурга, поэтому курс на восстановление отношений оказался прочным, несмотря на не слишком стабильную внутривластную ситуацию²⁹. Частью новой внешнеполитической линии Болгарии стало возвращение парадных чествований Дня освобождения и риторики в стиле восхваления освободительницы России.

В 1898 г. Болгария отметила двадцатую годовщину освобождения, а чествования по своей торжественности и пышности начали возвращаться к лучшим традициям времени до разрыва русско-болгарских отношений. В столице и других больших городах были вывешены национальные флаги, отслужены молебны, проводились военные парады, где вновь присутствовали русские дипломатические представители. Пресса единодушно отмечала большое воодушевление и праздничное настроение среди населения. В номере от 19 февраля официального органа правящей Народной партии газеты «*Мир*» («Мир») вышла обширная статья к празднику, которая в высокоэмоциональном, патетическом тоне возвеличивала «освободительницу и покровительницу» Россию. В статье утверждалось:

Этот день 19 февраля является величайшим для болгарского народа! <...> Перед ним бледнеют все остальные праздники. <...> Но кто создал сегодняшнюю Болгарию? Кто спас ее от рабства и дал ей новую жизнь? Все болгары отвечают с благоговением: Россия!

²⁷ Балканска зора. Пловдив, 1892. 21 II. С. 2.

²⁸ Попов 1985: 85.

²⁹ Подробнее в: Мартыненко 1967.

Одновременно порицались все, кто «кричит, что Россия освободила Болгарию с тайными мыслями о превращении ее в Задунайскую губернию»³⁰.

В последующие годы чествования Дня освобождения вновь приобрели былую торжественность. Даже Народно-либеральная партия, основанная Стефаном Стамболовым, в своем официальном органе печати газете *«Нов век»* («Новый век») подробно освещала чествования в столице и главных городах Болгарии, упоминая уже о великом деле царя-освободителя и признательности болгарского народа России³¹. Демократическая партия все-таки отмечала, что праздник, хотя и восстановлен в своем прежнем качестве, но проходит скромно на фоне «разных княжеских дней» (видимо, имелся в виду день рождения князя — М. С.), и призывала прекратить пренебрежительное отношение к самому главному народному празднику³².

По-видимому, в новой политической ситуации позабывтая риторика восхваления России была призвана восстановить доверие и прежнюю дружбу между болгарами и их освободителями. Русофильские общественные организации получили возможность развивать широкую деятельность, пользуясь государственной поддержкой. В 1898 г. «Корпорация ополченцев и борцов за свободу» выступила с инициативой создания комитета, который должен был заняться сбором средств для строительства величественного памятника Александру II в столице как материального символа признательности и памяти болгарского народа. В следующем году в княжеском дворце прошло первое заседание комитета «Царь-освободитель», а его председателем был избран известный деятель освободительного движения Стоян Заимов³³. Скоро начинание получило и солидную государственную поддержку, правительство согласилось выделить 300 тыс. левов для строительства памятника, который «будет доказательством того, что Болгария не забыла о своем долге и знает, как почитать память тех, кому она обязана своей свободой»³⁴. В течение следующих лет комитет «Царь-освободитель» превратился в главного инициатора мероприятий по коммеморации войны 1877–1878 гг., в чи-

³⁰ Мир. София, 1898. 19 II. С. 1.

³¹ Нов век. София, 1900. 22 II. С. 2.

³² Пряпорец. София, 1899. 21 II. С. 3.

³³ Петков 1973: 48–49.

³⁴ Михлюзов 1912: 29.

сле которых пышные чествования 25-й годовщины боев на Шипке в 1902 г. и 30-й годовщины освобождения в 1908 г., строительство памятника Александру II в Софии и открытие музеев и мемориальных парков в Плевне, Пордиме, Бяле и Горной Студене.

Все это красноречиво говорит о политике правительства Константина Стоилова по отношению к России. Широкая кампания, выражающая признательность освободительнице, являлась идеальным способом сближения между государствами, которое было необходимо для решения ряда национальных и финансовых проблем Болгарии. Кроме того, такая кампания ввиду сильных русофильских настроений среди большинства болгар могла послужить и для укрепления позиций кабинета Стоилова внутри страны.

Однако режим Народной партии не прошел пробы на прочность. Двадцатое столетие Болгария встретила в состоянии внутривнутриполитической нестабильности. В течение трех лет сменились шесть правительств, налоговая политика привела к протестам и сельским бунтам, а скандалы в связи с злоупотреблениями властью следовали один за другим³⁵. После недолгого пребывания у власти двух русофобских правительств в конце 1901 г. к власти пришли Демократическая и Прогрессивно-либеральная партии, известные как русофилы и сторонники сближения с Россией³⁶.

На фоне внутренних проблем и политической нестабильности праздник 19 февраля снова частично утратил свою торжественность. Чествования Дня освобождения в столице проходили более скромно³⁷, в 1901 г. традиционный парад не проводился, а в 1902 г. общественное внимание было приковано к февральским выборам в Народное собрание, и мероприятия, связанные с Днем освобождения, носили еще более урезанный характер. Более подходящим образом была отмечена 25-я годовщина освобождения в 1903 г. Накануне праздника по приказу министра просвещения во всех школах проводились беседы о значимости даты 19 февраля для болгарского народа, а чествования в столице прошли в полном объеме³⁸. И все-таки русофильская оппозиция не преминула обвинить правительство в том, что в столице

³⁵ [Ваклинов, Трайков, Евтимов, Евгениев (ред.)] 1991: 352–357.

³⁶ Външната политика на България. Документи / ред. Д. Косев, Н. Тодоров. София: Издателство на Българската академия на науките, 1978. С. 158.

³⁷ Мир. 1901. 22 II. С. 2.

³⁸ Величкова 2012: 56.

чествования прошли почти незаметно на фоне общего разочарования, охватившего народ. «Опасно играть с чувствами народа!» — утверждала газета оппозиционной на тот момент Народной партии³⁹.

Несмотря на подобные комментарии, стремление правительства Стояна Данева к сближению с Россией не подлежит сомнению, и доказательством тому является торжественное празднование 25-летия августовских боев на Шипке в 1902 г. В сентябре на месте исторической битвы на беспрецедентных по масштабу чествованиях присутствовали высокопоставленные гости из России, среди которых — великий князь Николай Николаевич, военный министр А. Н. Куропаткин, генерал М. И. Драгомиров, генерал Н. Г. Столетов и граф Н. П. Игнатьев. По словам премьер-министра Данева, празднества и военные маневры прошли замечательно, а русские гости остались довольны оказанным им теплым приемом⁴⁰. После шипченских чествований граф Игнатьев прибыл в Софию, где его ждал официальный прием представителей Славянского благотворительного общества во главе с председателем Иваном Вазовым и где он был объявлен почетным членом Общества⁴¹. Несомненно, эти действия необходимо рассматривать не только как праздничные события, но и как часть дипломатии правительства, направленной на сближение с Петербургом.

В мае 1903 г. в стремлении найти поддержку своей политики на Западе, Фердинанд возложил на Народно-либеральную партию, известную прежней враждебностью к России, обязанность сформировать правительство⁴². Несмотря на внутренние убеждения властей, продолжение курса на сближение с Петербургом являлось объективной необходимостью, и поэтому общественные мероприятия, связанные с коммеморацией освободительной войны и Сан-Стефанского договора, сохранили свою торжественность и пышность. В период с 1904 по 1906 г. День освобождения отмечали как обычно — молебнами и парадными, а также и более неформальными событиями, такими как званые вечера, концерты, театральные представления и т. д. Столичная пресса с пафосом встречала очередные чествования, а самые хвалебные отзывы о России можно было найти в печатных органах русофиль-

³⁹ Мир. 1903. 20 II. С. 2.

⁴⁰ Данев С. Мемоари. София: УИ «Св. Климент Охридски»; Военноиздателски комплекс «Св. Георги Победоносец», 1992. С. 92–93.

⁴¹ Канева 2008: 99–102.

⁴² Попов 1986: 27.

ской оппозиции, которая, кроме патриотизма и воодушевления в честь великой даты, выражала и огорчение от того, что официальная парадность не может скрыть недостаток искренних, сердечных чувств к России у властей⁴³. В свою очередь, Болгарская социалистическая партия ввиду крайней неприязни к официальной России называла празднование Дня освобождения и освободительной войны «русофильскими вакханалиями и заблуждениями», которые буржуазия использует для насаждения монархического и националистического духа⁴⁴.

Именно политический расчет, а не эмоции были главным фактором в чествованиях освобождения. Князь Фердинанд пытался контролировать и по необходимости ограничивать деятельность русофильских общественных организаций, стараясь держать под контролем кампанию по демонстрации дружественного отношения к России. Лстить России было выгодно, но не до такой степени, чтобы вызывать раздражение и недоверие на Западе и в Турции.

Кульминация политически обусловленных выражений благодарности и признательности России пришлось на 1907–1908 гг., когда Болгария отметила 30-ю годовщину русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и своего освобождения. Самые масштабные на тот момент совместные болгаро-русские чествования, за организацию которых снова отвечал комитет «Царь-освободитель», состоялись в августе и сентябре 1907 г. в местах боевой славы — Плевне, Пордиме, Бяле, Горной Студене и в столице, где официально освятили уже законченный памятник Александру II. В состав русской делегации входили 17 генералов, 19 офицеров и 21 низший чин⁴⁵. Эмоциональную атмосферу события в Софии передал в воспоминаниях Арнальдо Дзоки, автор памятника царю-освободителю:

Я никогда не забуду величественную сцену, представленную российскими флагами, которые несли боевые офицеры и солдаты. <...> Как будто это были тени павших на поле боя. <...> Эта картина заставила меня прослезиться, и я ее никогда не забуду⁴⁶.

Подготовка к чествованию 30-й годовщины освобождения в столице началась задолго до самого праздника. Согласно разработанной

⁴³ Ден. София, 1904. 20 II. С. 2.

⁴⁴ Работнически вестник. 1908. 21 II. С. 2.

⁴⁵ Петков 1973: 54.

⁴⁶ Нурижанъ 1934: 119–126.

комитетом «Царь-освободитель» программе, в торжественном шествии к памятнику Александру II и зданию русской дипломатической миссии приняли участие делегаты из всех болгарских земель, в том числе и из неосвобожденных Македонии и Одринской Фракии, а также ученики столичных школ, студенты, представители культурных и профессиональных организаций, ополченцы — участники русско-турецкой войны, офицеры, депутаты, министры и т.д.⁴⁷ 19 февраля 1908 г. центр Софии был украшен национальными флагами, а солнечная погода только прибавила праздничное настроение⁴⁸. После традиционного молебна состоялось запланированное шествие, а завершили программу праздничные концерты, театральные представления и банкет в Военном клубе поздним вечером. В своем официальном печатном органе правящая Демократическая партия комментировала торжества и дату 19 февраля с необходимой долей пафоса, но достаточно умеренно, отмечая, что в 1877–1878 гг. Россия действовала также и в своих политических интересах, но это никак не умаляет значения ее великого освободительного дела⁴⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что в рамках рассматриваемого периода День освобождения от османского ига утвердился как главный и самый почитаемый праздник Болгарии, сформировалась прочная традиция чествований этой даты, которая оставалась неизменной, несмотря на резкие перемены политической ситуации. Первоначально 19 февраля было днем почитания царя-освободителя, но постепенно его начали отмечать исключительно как День освобождения страны от турецкого ига. Для болгарского народа эта дата еще более значима, поскольку символизирует национальный идеал, к достижению которого Болгарское княжество/царство стремилось вплоть до конца своего существования. В этом смысле 19 февраля — это день, связывающий болгарский народ в его мечтах и стремлениях к объединению, а оспаривать огромное историческое значение этой даты не позволено ни одной политической силе.

Неудивительно, что сегодня мы являемся свидетелями политизации Дня освобождения. Этот праздник всегда находился в зависимости от политической конъюнктуры и особенно от русско-болгарских

⁴⁷ Мир. 1908. 19 II. С. 2.

⁴⁸ Пряпорец. София, 1908. 21 II. С. 1–2.

⁴⁹ Пряпорец. 1908. 18 II. С. 1–2.

отношений. На протяжении трех рассматриваемых десятилетий праздник выступал и в качестве повода для возвеличивания освободительницы России, и как инструмент изобличения губительной политики Петербурга на Балканах. С конца XIX в. правящие круги в Софии использовали демонстрацию признательности в целях восстановления нормальных отношений с Россией и обеспечения ее поддержки для решения внутренних и внешних проблем государства. Снова вернулась патетичная, хвалебная риторика русофильских партий, уступая место полному забвению русского подвига в войне 1877–1878 гг. при правительстве Стефана Стамболова. К концу рассматриваемого периода, когда у власти находилось правительство, не обремененное русофильскими чувствами, но стремившееся поддерживать хорошие отношения с Петербургом, в официальной риторике наблюдается более умеренное и лишнее чрезмерного пафоса отношение к 19 февраля.

Литература

- Блек 1996 — *Блек С.* Установяване на конституционната управление в България. София: Издателство Отворено общество, 1996. 276 с.
- [Ваклинов, Трайков, Евтимов, Евгениев] 1991 — История на България. Т. 7. Възстановяване и утвърждаване на Българската държава. Национално-освободителни борби 1878–1903 / Коллектив авторов [В. Ваклинов, К. Трайков, Л. Евтимов, Г. Евгениев и др.]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1991. 559 с.
- Величкова 2012 — *Величкова Ц.* Празнуването на 3 март в България — денят на Освобождението // Наука. София, 2012. № 2. URL: <https://www.forumnauka.bg> (дата обращения: 06.07.2018).
- Димитров 1972 — *Димитров И.* Князът, конституцията и народът. София: Издателство на Отечествения фронт, 1972. 218 с.
- Кагева 2008 — *Канева К. Н. П.* Игнатиев — графът на българите. София: Абрис дизайн център, 2008. 600 с.
- Косик 1991 — *Косик В. И.* Россия и политика в Болгарии 1879–1886. М.: Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР, 1991. 179 с.
- Маринов 1972 — *Маринов И.* Бунтовете на русофилите в Силистра и Русе през 1877 г. // Военноисторически сборник. 1972. № 1. С. 163–184.
- Мартыненко 1967 — *Мартыненко А.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев: Издательство Киевского университета, 1967. 295 с.
- Михлюзов 1912 — *Михлюзов Н.* Освобождение и признателност. Пловдив: Търговска печатница, 1912. 224 с.

- Нурижанъ 1934 — *Нурижанъ Ж.* Творци на италианския духъ. София: [б.и.], 1934. 160 с.
- Петков 1973 — *Петков И.* Стоян Заимов и комитетът «Цар Освободител» // Исторически преглед. 1973. № 3. С. 48–59.
- Попов 1986 — *Попов Ж.* Народнолибералната /стамболовистка/ партия в България. 1903–1920. София: Наука и изкуство, 1986. 204 с.
- Стателова, Дончева, Пантев 1985 — *Стателова Е, Дончева Б, Пантев А.* Съединението на Княжество България и Източна Румелия 1885 година. София: Просвета, 1985. 191 с.
- Татищев 1890 — *Татищев С.* Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и политические статьи. СПб: Издание А. С. Суворина, 1890. 567 с.

References

- Blek, S., 1996. *Ustanovyavane na konstitucionnata upravlenie v B"lgariya* [Establishment of constitutional government in Bulgaria]. Sofia: Izdatelstvo Otvorenno obshchestvo, 276 p.
- Dimitrov, I., 1972. *Knyaz"t, konstituciyata i narod"t* [The prince, constitution and people]. Sofia: Izdatelstvo na Otechestveniia front, 1972, 218 p.
- Kaneva, K.N., 2008. *P. Ignatiev — graf"t na b"lgarite* [Ignatiev — Count of Bulgarians]. Sofia: Abris dizajn cent"r, 600 p.
- Kosik, V.I., 1991. *Rossiya i politika v Bolgarii 1879–1886* [Russia and the politics in Bulgaria 1879–1886]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki Akademii nauk SSSR, 179 p.
- Marinov, I., 1972. Buntovete na rusofilite v Silistra i Ruse prez 1877 g. [The bliss of the Russophiles in Silistra and Rouse in 1877]. *Voenoistoricheski sbornik*, 1972, 1, pp. 163–184.
- Martynenko, A., 1967. *Russko-bolgarskie otnosheniya v 1894–1902 gg* [Russian-Bulgarian relations in 1894–1902]. Kiev: Izdatel'stvo Kievskogo universiteta, 295 p.
- Mihlyuzov, N., 1912. *Osvobozhdenie i priznatelnost* [Liberation and recognition]. Plovdiv: T"rgovska pechatnica, 224 p.
- Nurizhan", Zh., 1934. *Tvorci na italianskiya duh"* [Creators of the Italian spirit]. Sofia: [s.n.], 160 p.
- Petkov, I., 1973. Stoyan Zaimov i komitet"t "Car Osoboditel" [Stozan Zaimov and the Committee „Tsar the Liberator”]. *Istoricheski pregled*, 3, pp. 48–49.
- Popov, Zh., 1986. *Narodnoliberalnata /stambolovistka/ partiya v B"lgariya. 1903–1920* [The National-Liberal (Stambolov's) Party in Bulgaria, 1903–1920]. Sofia: Nauka i izkustvo, 204 p.

- Statelova, E, Doncheva, B, Pantev, A., 1985. *S"edinenieto na Knyazhestvo B"lgariya i Iztochna Rumeliya 1885 godina* [Unification of the Principality of Bulgaria and Eastern Rumelia in 1885]. Sofia: Prosveta, 191 s.
- Tatishchev, S., 1890. *Iz proshlogo russoj diplomatii. Istoricheskie issledovaniya i politicheskie stat'i* [From the past of Russian diplomacy. Historical research and political articles]. St. Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina, 567 p.
- [Vaklinov, V, Traikov, K., Evtimov, L., Evgeniev, G. et al.], 1991. *Istoriya na B"lgariya, 7: V"zstanovyavane i utv"rzhavane na B"lgarskata d"rzhava. Nacionalno-osvoboditelni borbi 1878–1903* [History of Bulgaria, 7: Recovery and validation of the Bulgarian state. National liberation struggles 1878–1903. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarskata akademiya na naukite, 559 p.
- Velichkova, C., 2012. Praznuvaneto na 3 mart v B"lgariya — denyat na Osвобождението [Celebration of 3 March in Bulgaria — the Day of Liberation]. *Nauka. Sofiya*, 2012, 2. URL: <https://www.forumnauka.bg> (accessed: 06.07.2018).

Mikhail I. Simov

PhD, Research Fellow at the National Museum of Bulgarian History, Sofia, Bulgaria. E-mail: simov.bg@abv.bg

The Day of Bulgarian Liberation from Ottoman Rule: Commemorative practices in the political context of the late nineteenth and early twentieth centuries

Abstract. Recently, Bulgaria celebrated the 140th anniversary of its liberation from Ottoman rule. Against the present geopolitical situation on the Balkans and in the context of Bulgarian-Russian relations, 3 March — the day when the San Stefano Peace Treaty of 1878 was signed which is also Bulgaria's national holiday — customarily precipitates political comments and controversial statements of government officials. While Bulgarian-Russian political relations in the last quarter of the nineteenth century were rather complicated, they became the backdrop of the shaping of the tradition of celebrating the Liberation Day; the commemorative activities and interpretation of the day's significance were closely interwoven with the political trends and the ambitions of the governments in Sofia. The paper examines the process of establishing the tradition of celebrating the Liberation Day in Bulgaria in the context of the dynamics of the Bulgarian-Russian political relations in the late nineteenth and early twentieth century.

Keywords: Russo-Turkish War of 1877–1878, Day of the Liberation of Bulgaria from Ottoman rule, Bulgarian-Russian relations in the late nineteenth and early twentieth century